

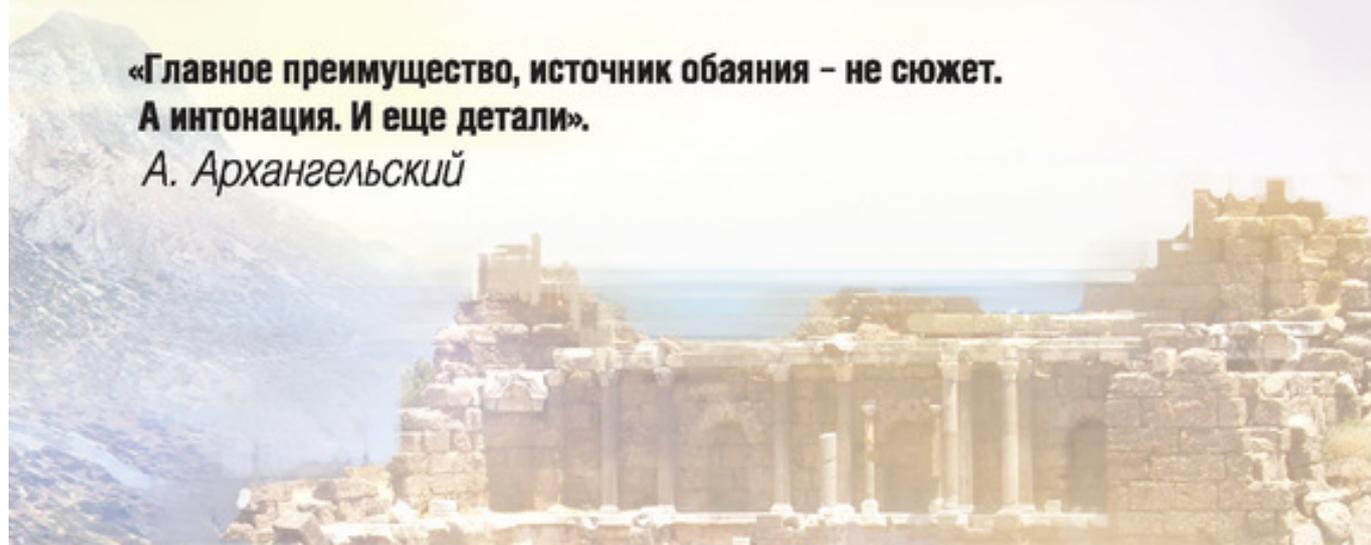
Андрей ГЕЛАСИМОВ

Десять историй о любви

**«Главное преимущество, источник обаяния – не сюжет.
А интонация. И еще детали.»**
А. Архангельский

Андрей Геласимов

Десять историй о любви (сборник)

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Геласимов А. В.

Десять историй о любви (сборник) / А. В. Геласимов — «Эксмо»,
2015

Конечно, эти десять рассказов Андрея Геласимова – о любви. О любви мужчины и женщины. О любви современной. О любви вечной. Конечно, эти десять рассказов Андрея Геласимова – не только о любви: о чувстве вины, о предательстве, о жалости, о памяти, о страхе, о воскресении. Конечно, исполнены эти десять рассказов Геласимова блестяще: каждый из них – аккорд. Вот в «Филомеле» нижний звук – это древнегреческий миф, средний – его новогреческое переложение, верхний – невольная российская интерпретация. И звучит книга как оркестровая концертная сюита.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Геласимов А. В., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Филомела	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Андрей Геласимов
Десять историй о любви

© Геласимов А., текст, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Филомела

На регистрации рейса она так и не появилась. Гуляев прождал ее до самого последнего чемодана, канувшего в багажную Лету, психанул и швырнул паспорт на стойку.

– Поосторожней, пожалуйста, – строго посмотрела на него девушка в красивой униформе.

– Извините, – буркнул он и уставился на сияющую за спиной девушки гигантскую рекламу мобильного оператора.

Ни на один из его десяти нервных звонков Ольга до сих пор не ответила.

Передавая Гуляеву посадочный талон, девушка в униформе обвела карандашом его место в самолете и номер выхода.

– Поторопитесь, посадка скоро закончится.

На паспортном контроле он сообразил, что Ольга могла зарегистрироваться прямо из дома, не предупредив его. Сюрприз – это было в ее стиле. Хмурый пограничник за стеклом в этот момент как раз вглядывался в его лицо, а Гуляеву нестерпимо захотелось вырвать свой паспорт у него из рук и побежать обратно к стойке регистрации. Девушка в униформе со сто процентной уверенностью знала имена всех зарегистрированных пассажиров.

– Очки снимите, пожалуйста, – сказал пограничник.

Гуляев прикупил эти солнцезащитные очки в Нью-Йорке, выложив за них далеко не профессорские четыреста долларов, поэтому зачастую они теперь надевались как бы сами собой – и не всегда в тех местах, где темные очки предполагались.

Ольгу, кстати, они бесили. Безошибочным женским чутьем она откуда-то знала, что куплены они были не просто так. Гуляев тогда действительно прицелился на одну славную аспиранточку из Питера, которая работала над своим диссером в Бруклинской библиотеке, однако выпендрож с очками ему не помог. Аспирантка лишь хмыкнула в магазине и в ресторан с ним уже не пошла.

– Счастливого полета, – сказал пограничник, положив перед Гуляевым его паспорт и нажимая на кнопку, с негромким гудением открывшую низенькую металлическую дверь.

Путь назад был отрезан.

В самолете Гуляев последовательно помог двум некрасивым женщинам и одному неловкому старичку поднять и затолкать их тяжеленную ручную кладь на багажные полки. Не отличаясь филантропическим складом, он просто спешил пройти дальше по проходу, забитому копошившимися вокруг своего багажа пассажирами. Передние ряды кресел были все уже заняты, но Ольгу в этой счастливой курортной толпе Гуляев не обнаружил. Он прошел мимо своего ряда, почти до самых туалетных комнат, потому что к сорока пяти годам был сильно подслеповат, и, чтобы разглядеть лица сидящих, немного даже склонялся в их сторону. В хвостовой части самолета Ольги тоже не оказалось.

Усевшись наконец на свое место, Гуляев почувствовал себя обманутым, нахохлился и раздраженно стукнул пластиковой шторкой иллюминатора. Ему не хотелось ничего видеть.

– Шторочку поднимите, пожалуйста, – ласково, но настойчиво склонилась к нему стюардесса, затянута в черный костюм.

Гуляев покосился на ее изящную головку и черную пилотку, кокетливо сдвинутую набок. Гладкие и блестящие волосы у стюардессы были убраны как у мертвых невест во втором акте «Жизели», двумя полукружьями почти полностью скрывая уши.

– При взлете иллюминаторы должны быть открыты, – сказала она.

Улыбка девушки напомнила Гуляеву одну из его недавних и очень красивых дипломниц.

– Извините, – вздохнул он и поднял серую шторку.

Пока летели до Кипра, он все пытался разглядеть эту улыбчивую виллису получше, но она призрачной рыбкой проскальзывала по салону мимо, растворяясь в мутноватой пелене его близорукости. Гуляев давно подумывал насчет обычных очков с диоптриями, однако всякий раз откладывал поход к окулисту. Дамы на кафедре и в деканате любили намекнуть ему, что на фоне своей ровесницы-жены он все еще выглядел очень даже себе комильфо, поэтому очки он пока считал не вполне уместной приметой возраста.

Отель «Элизиум» встретил Гуляева роскошной пустотой коридоров. Это была дорогая гостиница, и даже сейчас, ночью, в отсутствие разодетой в элегантные костюмы богатой публики, населявшей основное здание и несколько индивидуальных вилл со своими бассейнами, тут царил устойчивый аромат вечного счастья. Оно, это счастье, не просто поселилось здесь – оно застыло в самых приятных глазу и телу формах, не желая и, судя по всему, не имея причин покидать это благословенное место.

Просторное фойе было украшено фреской протяженностью метров в пятнадцать-двадцать. Нежные и воздушные девушки на фреске изображали собой девять классических муз, каждая из которых была обозначена соответствующей подписью на древнегреческом языке. Ряды строгих колонн из мрамора обливала мягкий золотистый свет плоских люстр, свисавших с потолка на покрытых позолотой цепях. У каждой колонны стояли большие керамические сосуды в форме античных пифосов. В каждом сосуде застыло по вечнозеленому и вечносчастливому растению. Вся мебель в фойе, включая стойку администратора, была выполнена под девятнадцатый век. Массивные кожаные кресла и уютно потертые диваны стояли на таких же потертых старых коврах. Здесь, в этой гостинице, легче всего и, пожалуй, естественнее, чем где бы то ни было, произносилась расхожая фраза «Все хорошо». На тумбочках и подставках рядом с диванами замерли полные достоинства настольные лампы с металлическими пузатыми основаниями и старомодными абажурами. Совершенно пустому и безмолвному в поздний час фойе эти лампы окончательно сообщали дух скорее старинной университетской библиотеки, нежели модного отеля у моря, хотя на стене рядом с лифтами висели в три ряда фотографии ослепительных улыбок, вечерних платьев и бриллиантов с автографами побывавших здесь голливудских и европейских звезд.

После долгого и какого-то невероятно душного переезда на такси от Ларнаки до Пафоса прохлада спящего отеля заметно взбудрила Гуляева, но пробудила также и саднящую мысль. Он болезненно осознал, что все это великолепие ему не с кем будет делить. Распахнув балконную дверь в своем полулюксе, он жадно втянул запах моря, которого в темноте не было видно, но которое он отчетливо слышал из-за поднявшегося к полуночи волнения и сильного ветра.

– Мы уже спим, – недовольным голосом сказала жена, взяв трубку после десятого или одиннадцатого гудка.

– Мы? – удивился Гуляев.

– Да. У Ольги командировка в Челябинск отменилась.

– Ясно... – Гуляев озадаченно помолчал. – И что? Она решила перебраться к тебе?

– Мы вообще-то сестры, Игорь Валентинович, если ты забыл. И в последнее время редко видимся.

– Да нет, помню... Ладно, передавай привет.

– Завтра передам. Она спит в Сережиной комнате. Ты успел на свою конференцию?..

Положив трубку, Гуляев неподвижно просидел в кресле еще несколько минут. По репликам – слово за словом – он восстанавливал весь разговор с женой. Перебирал свои ответы, ее интонации, пытался понять – не было ли у него прокола и не звучало ли подозрение в ее голосе. Эта шпионская привычка появилась у него примерно полгода назад. С тех самых пор, как он невыносимо захотел переспать с младшей сестрой своей жены, Ольгой, а та, почти сразу уловив это его внутреннее движение, по какой-то причине повела себя очень самостоятельно и ни о чем не сказала сестре.

Гуляев и прежде не гиперболизировал значение супружеской верности, но особо ни в чем себя не винил, поскольку сам никогда и никого не добивался. В своих глазах он был всего лишь невинной жертвой соблазна. В роли инициатора и злоумышленника он выступил всего пару раз, так что это почти не считалось. Привыкший к женскому вниманию, он то и дело сдавался на милость очередной победительницы, которой не лень было осаждать его не самую неприступную в мире крепость и которая, что было немаловажно, соответствовала его меняющейся с годами самооценке. Если в начале своей академической карьеры он еще мог обнаружить себя в постели у девушки со средними данными, то с ростом ученой степени, званий и должностей, указываемых в скобках после его фамилии, претендентки становились все симпатичней и все моложе.

Первоначально большинство из них реагировали на его голос. Рассказывая о преступном браке Иокасты и ее сына Эдипа, об эротических волнениях, вызванных своеволием, скорее всего, элементарно фригидной Лисистраты, о хоре в античной комедии, который сплошь состоял из похотливых сатиров с привязанными к поясам огромными красными фаллосами, Гуляев так искусно и так неожиданно модулировал по тембру свой голос, что все эти абсолютно непристойные вещи начинали звучать не только приемлемо, но даже интригующе – они вызывали у его юных слушателей живой интерес. Присутствующим на его лекциях казалось, что обо всем этом можно спокойно беседовать с кем угодно – с друзьями, родителями, просто знакомыми по социальным сетям. Вооруженный мощной античной традицией Гуляев невероятно раскрепощал, а его голос побуждал к следующему шагу.

Девушек захватывал бивший в нем через край во время публичного выступления животный магнетизм, о котором один из его неказистых коллег мужского пола, посетив однажды его лекцию, сказал:

– Я понял, в чем ваш секрет. Я знаю, почему они вас так любят.

Выходя после учебных занятий из поточной аудитории, Гуляев действительно всякий раз был окружен роем вербально опьяненных и жаждущих продолжения вакханок.

– И в чем же? – спросил он тогда своего коллегу, покуривая на кафедре в приоткрытое окно.

– Месмеризм, – торжественно объявил тот.

– Простите?

– Флюиды. Вы излучаете магнитную энергию. Даже меня к вам тянет. Если бы мы жили в эпоху античности...

– Давайте не будем углубляться, – предостерег его тогда Гуляев и улыбнулся.

Он и без этого своего коллеги, разумеется, знал про Месмера и про его учение о флюидах. Более того, он знал, что, в отличие от обычного «магнетизера», который выделяет один-два флюида, сам он работает в режиме целой подстанции.

Однако происходило это только во время лекций. Во всех остальных ситуациях Гуляев мало чем выделялся среди более-менее состоявшихся мужчин своего возраста. Поэтому с Ольгой у него продвигалось не очень споро. Он пробовал звать ее на свои феерические выступления, но она неизменно отнекивалась, говоря, что фильм «Троя» даже с ее любимыми актерами Брэдом Питтом и Орландо Блумом заставил ее зевать почти три часа. Античность ее не интересовала в принципе.

Разница в пятнадцать лет между Ольгой и Ксенией драматически подчеркивала их сходство. Тот, кто общался с ними обеими, не мог избавиться от странного чувства дежа-вю – с тем лишь отличием, что ощущение «это со мной уже было» в случае двух сестер обретало материальную форму. Наблюдая исподтишка за перемещениями Ольги по своей квартире, Гуляев иногда забывался и принимал ее за Ксению, как будто проваливался во времени назад, и, что самое важное, сам попутно молодел на те же пятнадцать лет. Это был сильнейший соблазн, самое серьезное искушение в его жизни. Глядя потом на свою жену, он старел уже не на пятна-

дцать, а на все тридцать лет, и это было невыносимо. Поэтому, когда Ольга согласилась полететь с ним на Кипр, он даже не сразу поверил своему счастью. Однако в итоге он оказался в этом роскошном отеле один.

Тем не менее наутро Гуляев проснулся у себя в номере в приподнятом настроении. Он уже давно знал, что личность – величина переменная, и более нестабильной системы, чем человек, в природе быть просто не может. Уснув одним существом, каждый из нас просыпается совершенно иной божьей тварью. Впрочем, насчет божьей – Гуляев был не уверен. Так или иначе, этот его наивный релятивизм находил опору даже в идиоматике.

– Утро вечера мудренее, – улыбнулся он, сделав глоток хорошего брЮта, которым в «Элизуме» потчевали гостей на завтрак.

Наблюдая за ловкими руками повара, обжаривавшего прямо на роскошной веранде овощи каждому желающему по его выбору, Гуляев задумался о том, как провести день. Море, мерно дышавшее за ровной линией пальм, нисколько не привлекало его, потому что на территории отеля оно было лишь частью ландшафтного дизайна. Город, несмотря на свое название, давным-давно утратил всякое воодушевление и представлял собой скопление безликих прямоугольных домишек, напоминавших коробки для обуви. В бухту, где, по преданию, из морской пены родилась Афродита, одному ехать не имело смысла. Вояж туда задумывался единственно для того, чтобы покорить неискушенное воображение Ольги и добиться, наконец, от нее желаемого. В общем, из расположенных поблизости туристических мест оставался лишь древний Некрополь. Пешком до него, согласно Гуглу, было не больше пятнадцати минут.

За стенами отеля Гуляева накрыл тяжелый купол местного зноя. Стоило выйти за ворота, как на плечи ему навалился вполне ощутимый груз. Жара здесь имела не только реальный вес, но и реальную плотность. Пройдя метров сто, он уже сильно жалел, что отказался от предложенного швейцаром такси. Гнетущее пекло вынудило его спуститься в первую же более-менее глубокую гробницу на территории Некрополя. Четырехугольный свод ее во время раскопок был снят, и солнце нещадно палило центральную часть усыпальницы, однако позади пыльных, источенных временем колонн лежала густая тень.

В этой тени прятались такие же пыльные голуби, почти не отреагировавшие на его появление. Едва шевельнув крыльями, пухлые птицы сонно обозначили, что в курсе насчет его присутствия, но в остальном им на него плевать. Гуляев с наслаждением прильнул всем телом к прохладной каменной кладке и закрыл глаза. Он физически ощущал, как его пот впитывается в пористую поверхность камня. Откуда-то сверху долетела немецкая речь, потом смех и после этого все блаженно затихло.

Гуляев невольно вспомнил о сыне. Тот недавно отучился в университете на немецкой филологии, а теперь вот уже две недели служил в армии. Впрочем, в следующую секунду его мысли перескочили на Ольгу. Он представил ее лицо, ее прохладные руки, ее фигуру. Представил, как расстегивает на ней блузку, и был готов пойти дальше, но за спиной у него что-то неприятно шлепнулось на камни.

От этого звука голуби все разом взмыли со своих мест и, с напряженным свистом разрывая крыльями вдруг закипевший воздух, устремились в сияющий проем разобранного свода. На секунду в гробнице стало темно, а когда опять просветлело, обернувшийся Гуляев увидел на камнях огромную, мускулисто извивающуюся змею.

Тварь смотрела на него, приподняв массивную треугольную голову, и явно готовилась к броску. Максимум, что он встречал из рептилий до этого, были милые домашние черепашки и безобидные ужики в подмосковных лесах. Сейчас перед ним клубилось кольцами настоящее чудовище с канала «Дискавери». Что с ним делать, когда оно не в телевизоре, а в трех метрах от тебя, Гуляев не знал. Он застыл на месте с одной тоскливой даже не мыслью, а странным ощущением, что его здесь нет, и все это его не касается, в то время как органы чувств лихорадочно выхватывали детали происходящего, словно препарировали ситуацию, и Гуляев

с неожиданной для себя точностью вдруг фокусировался то на трещине в камне, то на змеином зрачке, никчемно разглядев, что он узкий и вертикальный, как у драконов, которых рисуют в голливудских мультфильмах.

– Отойди назад, – прозвучал откуда-то сверху голос на английском. – Опустит руку.

Гуляев не оторвал взгляда от шипевшей змеи, но осознал, что правая его рука была вскинута над головой.

– Опустит... руку, – повторил голос. – Медленно.

Гуляев, минуто назад уже переставший дышать, начал опускать руку и одновременно выдыхать распивавший его легкие воздух. Рука опускалась так плавно и так невесомо, как будто он был под водой. Вообще, все происходившее было каким-то глубоководным.

Следившая за рукой змея синхронно тоже начала опускать голову, как будто была напрямую связана с этой рукой, и черный раздвоенный язык перестал вылетать молнией у нее изо рта.

– Два шага назад, – негромко скомандовал голос.

Гуляев, подобно теням давно ушедших обитателей этой гробницы, неслышно отступил в самый угол. Змея помедлила еще секунду, а затем скользнула в темное отверстие справа от нее, ведущее, очевидно, еще глубже в царство мертвых.

Наверху зашуршало, и на раскаленные плиты усыпальницы сухим ручейком осыпался белый песок. Песчинки в неподвижном воздухе струились ровным узким потоком, словно в перевернутых кем-то гигантских песочных часах. Следом упали несколько сухих веточек и мелких камней. Гуляев оторвал от них взгляд и наконец посмотрел наверх, но, кроме пары ног в спортивных штанах, ничего в проеме разобранного свода не увидел. Он слишком глубоко отошел в угол.

– Иди сюда, – сказал голос. – Не стой там... Ты где?

Продолжая коситься на темное отверстие, в котором исчезла змея, Гуляев по стеночке, шаг за шагом дошел до лестницы, а дальше взлетел по разбитым ступеням проворнее, чем те пыльные голуби. Наверху под палящим солнцем его встретил насмешливый взгляд.

– Испугался?

– Не то слово, – ответил Гуляев почему-то на родном языке.

– Русский? – улыбнулся спасший его человек. – Здесь русских не очень много. В основном в Лимассоле. В Пафос не приезжают.

Он произнес эту тираду по-русски, но Гуляев не успел удивиться. Вернее, успел, но – другому. Он удивился тому, что его ноги вдруг перестали ему принадлежать и повели себя независимо от его сознания и воли. Вместо того, чтобы послушно поднести его тело к стоявшему на краю зияющей гробницы человеку, они самовольно согнулись и уронили Гуляева на пересохшие побеги каких-то невысоких колючих растений. Беспомощно пошарив руками в пыли вокруг себя, он попытался встать, однако ноги были заняты совсем другим. Они противно дрожали, и дрожь от них передавалась всему телу.

– Извините, – выдавил Гуляев, повернув голову в сторону человека на краю усыпальницы.

– Все в порядке, – сказал тот и с легким звоном положил на землю старенький велосипед, который придерживал за руль.

Подойдя к сидящему на сухой траве Гуляеву, человек присел перед ним на корточки.

– Вы из Москвы? – спросил он. – Я там учился. Университет имени Патриса Лумумбы.

– А я там преподавал, – Гуляев вздохнул и потряс головой, пытаясь прийти в себя. –

Правда, недолго...

– Повезло вам.

– Да чего уж там. Обычный университет.

Человек улыбнулся:

– Я про змею... Это гюрза. Очень опасно.

Гуляев кивнул и постарался сфокусироваться на человеке. Все вокруг куда-то плыло. Сидевший перед ним на корточках мужчина тоже слегка расплывался. Несмотря на жару, он был одет в плотную куртку защитного цвета с маскировочными пятнами, спортивные штаны и белые кроссовки на босу ногу. Судя по очень загорелому и почти голому черепу, мужчине было лет пятьдесят – может, чуть больше. По-русски он говорил практически без акцента. Голос у него был слегка хрипловат.

– Странно, что она свалилась туда, – махнул он рукой в сторону открытой гробницы. – Проснулись они уже давно. А эта какая-то сонная...

– Я бы так не сказал, – выдавил трудную улыбку Гуляев. – Мне она показалась... вполне бодрой.

Мужчина покачал головой:

– Нет, она бы туда не упала. Они после спячки всегда немного такие... Медленные. Поэтому часто гибнут. Птицы их убивают, люди. Потому что холодная кровь. Некоторые самцы, чтобы быстрее согреться, начинают пахнуть как самки.

– Зачем?

– Другие самцы приходят и вокруг них обвиваются. Большой бывает клубок. Штук по сорок, по пятьдесят. Горячие все – про любовь думают.

Мужчина обеими руками показал размеры змеиного клубка, и Гуляева слегка замутило.

– Ужасно... – пробормотал он.

– Нет, хорошо, – возразил его спаситель. – Сонный самец тогда быстро согревается. Ловкий опять. В ямы уже не падает. А эта странная какая-то...

Он снова обернулся в сторону гробницы, как будто ожидал, что свалившаяся туда гюрза покажется на поверхности и подтвердит его доводы насчет ее сонливости и необычного для такой жары поведения.

Гуляев поднялся на ноги.

– Спасибо вам, – протянул он руку сидящему на корточках мужчине. – Если бы не вы... Я просто... Даже не знаю.

– А вы что там искали? – спросил тот, выпрямляясь и пожимая руку Гуляева.

– Да ничего. Из любопытства спустился. Я специалист по античности. Доктор наук.

– О! – Мужчина уважительно кивнул. – Тогда вам нужно вот это.

Он вынул из кармана флешку и протянул ее Гуляеву.

– Берите, берите. Там один очень хороший текст. Вы по-гречески читаете?

– Да.

– Значит, поймете.

Гуляев удивленно посмотрел на флешку у себя в руке, а затем убрал ее в карман.

– Спасибо.

– Пятьдесят евро.

– Что, простите?

– С вас пятьдесят евро, – повторил мужчина. – Это очень редкий текст. Из фракийского цикла.

Гуляев помедлил, принаравливаясь к новой нелепой ситуации, а затем вынул бумажник. Отказать человеку, который только что спас тебя от смерти, было бы странно. Пожалуй, еще странней, чем эта неожиданная торговля. О том, что такое «фракийский цикл», он не имел ни малейшего представления.

– И за флешку семь евро, – сказал мужчина, убирая оранжевую купюру в карман своих спортивных штанов.

В номере Гуляев рухнул на кровать и закрыл глаза. Под веками тут же заметались непрошенные картинки. Лукавая улыбка Ольги, отчужденный взгляд жены, напряженные плечи сына

перед самым отъездом на призывной пункт, затянута в черное стюардесса и, наконец, массивная, чуть подрагивающая змеиная голова.

Гуляев судорожно втянул безжизненный кондиционированный воздух и осознал, что замерз. По телу бежали мурашки. Он попытался натянуть на себя одеяло, но оно было глубоко подоткнуто под тяжеленный матрас. Безрезультатно подергав туго натянутое полотно и покрывшись на широкой, как взлетная полоса, кровати, он вскочил с нее и распахнул дверь на балкон. Оттуда ударила плотная волна горячего воздуха. Гуляев жадно окунулся в него, опустился на раскаленный стул и затих, впитывая тепло.

В кармане у него ожил телефон. Звук доставленного сообщения вывел его из полуминутного блаженного анабиоза, в который он погрузился подобно ушедшей в зимнюю спячку рептилии. Он даже успел обрадоваться, решив, что это наконец Ольга, что она все же надумала отписаться и объяснить, что произошло, однако эсэмэска была от мобильного оператора. Доставленная почему-то с большим опозданием, она приветствовала его на Кипре и предлагала подключить какие-то хитрые тарифы для звонков и сообщений из-за рубежа.

подавив желание запустить мобильником с балкона в бассейн, Гуляев поднялся со стула и увидел лежавшую на полу флешку, выпавшую, очевидно, из кармана, когда он торопился достать телефон. На флешке точно можно было сорвать зло, и он уже нацелился поддать ей ногой, так чтобы она как миленькая вылетела через щель под перилами и ответила, тварь, за все, что с ним произошло, но в последний момент Гуляеву все-таки припомнились пятьдесят евро. Плюс еще семь за цифровой носитель.

Открыв на своем ноутбуке содержимое единственного файла, оказавшегося на столь дорого и при столь необычных обстоятельствах доставшейся ему флешке, он обнаружил средних размеров текст на греческом языке, который назывался «Филомела». Перед текстом стоял набранный в правой части страницы довольно пространственный эпиграф:

«Дабы скоротать ваш досуг, моя милая недотрога, могу предложить вам забавную головоломку. Отыщите ее решение – и я перестану докучать вам.

Итак, ежели Господь Бог всемогущ, то под силу ли ему создать камень, который он сам не сумел бы поднять?»

Джованни Пико делла Мирандола.

Из письма Лукреции Гонди

от 14 октября 1491 г. Флоренция

Гуляев помнил, что этот Мирандола был известным итальянским философом эпохи Возрождения и параллельно – то ли врагом, то ли сподвижником Савонаролы. Уточнить можно было в Википедии, но Гуляев не стал. Парадокс всемогущества, сформулированный в первом эпиграфе, неожиданно оттенялся кровожадным вторым:

«Темя секирой ему разрубили, Как дровосеки рубят дубы».

Софокл «Электра»

Далее шел собственно текст:

«Теперь уж никто из нас и не вспомнил бы точно, когда эта история началась. В том смысле, что нет никакой возможности определить – с чего завязалась вся тогдашняя нервотрепка...»

Гуляев разочарованно оттолкнул компьютер и, скрежетнув ножками тяжелого кресла, встал из-за стола. Было понятно, что его провел какой-то горе-писатель, которого никто не публикует и который втюхивает свои рассказы недотепам или туристам вроде него. Благодаря свалившейся в гробницу полусонной гюрзе, на этот раз писаке с велосипедом удалось еще и неплохо заработать.

– Да, но не все же туристы читают по-гречески, – тут же возразил Гуляев сам себе. – Скорее всего, вообще никто из них не читает.

Он вновь склонился к монитору. До ужина оставалось еще немного времени, а телевизор включать он категорически не хотел. Судя по названию и второму эпиграфу, рассказ должен был иметь отношение к античным мифам. Так или иначе, Гуляев снова начал читать. Чтобы не думать об Ольге и поскорей забыть омерзительное происшествие в Некрополе, ему надо было занять голову чем-то совершенно иным.

«Теперь уж никто из нас и не вспомнил бы точно, когда эта история началась. В том смысле, что нет никакой возможности определить – с чего завязалась вся тогдашняя нервотрепка. То есть начало, конечно, было положено исчезновением Филомелы из города, но сбежала ли она от кузнеца ночью, очертя голову и плюнув на наших неприкаянных беотийских собак, которым разорвать четырнадцатилетнюю девочку во сто крат проще, чем лишний раз устроить бестолковую случку; или же на глазах у всех вышла за черту последних огородов и растворилась в дрожащем степном мареве; зимой это было или летом; и, главное, откуда она узнала об этих проклятых родственниках во Фракии – боги опускают здесь непроницаемую завесу, или лучше сказать, пелену, уже и тогда, кстати, застилавшую наши взоры, ибо если мы говорим, что девочка вполне могла уйти из города среди бела дня, не таясь от глаз и без того не слишком зорких сограждан, то мы ничуть против истины не грешим – она в самом деле могла свободно это сделать, потому как все имевшиеся тогда в наличии глаза и уши направлены были совершенно в другую сторону...»

За ужином Гуляев попросил бутылку местного вина, хотя знал, что напитки оплачиваются отдельно. Ни вино, ни соки, ни даже чай, заказанный в ресторанах и барах отеля, в стоимость купленного им тура не были включены. Вино оказалось посредственным – налитое в красивый и дорогой бокал оно было явной издевкой в адрес элегантно сервированного стола, сочного салата с мидиями, нежнейшего стейка и старомодных мелодий Дина Мартина, которые наигрывал на веранде небольшой, но жизнерадостный духовой оркестр.

– Я же вам говорил, что лучше чилийское, – склонился к Гуляеву единственный говоривший по-русски официант.

Стоило Гуляеву дотпить бокал с откровенно плохим вином и скроить недовольную мину, как наблюдавший внимательно за ним официант покинул свой пост у конторки с декоративной винтажной кассой и устремился к его столу, лавируя между трепетавшими огоньками свеч, расставленных там, где сидели пары.

Тот факт, что он был родом откуда-то из бывших советских республик, давал этому официанту самопровозглашенное право на весьма назойливое покровительство русскоязычным гостям.

– Давайте, я заменю, – он протянул руку в белой перчатке к стоявшей рядом с Гуляевым бутылке, но тот защитил ее локтем.

– Не надо. Я хочу местного. Я везде пью только местные вина.

Официант обиженно отпрянул.

– Как хотите.

– Да, я так хочу. Когда я приеду в Чили, я буду пить чилийское.

Гуляев спешил отвязаться от надоедливого официанта, не только потому что тот его раздражал. Усевшись пятнадцать минут назад за свой стол и выложив телефон между граненым сосудом с оливковым маслом и судочком со специями, он все это время поглядывал на него и

запрещал себе брать его в руки. Теперь же он сдался и был готов набрать номер Ольги. Мешал прилипчивый официант.

– Может, вам еще что-нибудь принести?

– Не надо ничего! Идите.

Обескураженный его тоном официант величественно удалился к своей конторке, и Гуляев тут же схватил со стола телефон.

Прождав не меньше минуты и выслушав, как ему показалось, наверное, сотню гудков, он убрал телефон в карман, раскрыл принесенный с собой ноутбук и постарался отвлечься на чужой текст:

«...очертя голову и плюнув на наших неприкаянных беотийских собак, которым разорвать четырнадцатилетнюю девочку во сто крат проще чем лишний раз устроить бестолковую случку...»

Он успел пробежать глазами этот пассаж несколько раз, прежде чем понял, что застрял и что вообще читал его уже наверху, у себя в номере.

– А хотите, я зажгу вам свечу? – проникновенным голосом сказал официант, незаметно подкравшийся сзади.

– Нет! – вздрогнул Гуляев. – Не надо свечей. Оставьте меня в покое.

Он судорожно выхватил телефон и набрал номер жены, однако Ксения тоже не взяла трубку. Опустив растерянно мобильник на скатерть, Гуляев наконец нашел в тексте то место, где остановился, и невольно, почти механически продолжил читать.

«...И если бы мы не пялились так пристально на это новое чудо, доставлявшее нам, чего уж скрывать, радость узнавания заморской, не виданной никем из нас боевой и походной жизни – на прибывшего неизвестно откуда инвалида, путано болтавшего о какой-то войне; если бы мы оторвались от будоражащих не свойственной нам жестокостью историй об изнасилованиях и членовредительствах; короче говоря, если бы мы подняли головы от этого омута убийств и соблазнов, то уж, конечно, увидели бы, что с девчонкой не все ладно, и дело, принявшее впоследствии такой печальный оборот, развернулось бы как-нибудь по-другому, может быть, даже по-человечески...»

«Почему не отвечает Ксения? – пульсировало в голове у Гуляева, который даже не пытался сосредоточиться на тексте, скользя по нему глазами. – Что, если Ольга ей все рассказала?»

«...то уж, конечно, увидели бы, что с девчонкой не все ладно, и дело, принявшее впоследствии такой печальный оборот...»

Мысль о том, что Ольга могла признаться во всем Ксении, парализовала Гуляева. Он замер с бокалом в руке и уставился в темноту за окном – туда, где за невидимой линией пальм шумело море.

«Ну да, они ведь сестры... Если бы они не были сестры, то между ними было бы одно лишь соперничество... И на это соперничество ведь можно рассчитывать. Оно гарантирует... Однако между ними еще и общая кровь. И что тут будет сильнее – неизвестно».

За соседним столом раздался дружный взрыв смеха, и он невольно перевел туда взгляд. Пожилой и какой-то весь очень сочный немец в светлом льняном пиджаке на розовую футболку развлекал своих молоденьких спутниц, и обе эти весьма симпатичные брюнетки откровенно наслаждались не только ужином, но и тем, что он шептал им на ушко, склоняясь то к одной, то к другой раскрасневшейся от вина изящной головке. На столе перед этой троицей горело сразу несколько свечей, словно подчеркивая тот факт, что жизнь отмеряет этим троим от своих щедрот гораздо более полной мерой, чем всем остальным скромнягам.

Гуляев опустил бокал на белоснежную скатерть, но рука вдруг ослушалась, и рубиновая жидкость едва не выплеснулась через край. Оставив ужин почти нетронутым, он вышел из ресторана. С ноутбуком в руке задумчиво прошел мимо мерцавшего голубой подсветкой причудливого бассейна, постоял на одном из горбатых мостиков рядом с баром, стойка которого и высокие круглые табуреты вокруг нее выступали прямо из воды, а затем направился в сторону пляжа. На огромной поляне, едва освещенной редко разбросанными фонарями, сотрудники отеля забыли убрать за постояльцами пару лежаков, и теперь они призрачно сияли в темноте белым пластиком, отражая неяркий свет фонарей, луны и звезд.

Решив не идти дальше к морю, он улегся на один из брошенных лежаков. Его окружала такая мягкая и такая чудесная средиземноморская ночь, от которой любой оказавшийся на его месте ощутил бы себя в раю, но Гуляева все эти курортные чудеса и разлитая повсюду умиротворенность вгоняли в еще более жуткую панику. Он чувствовал, что все это лишь наживка, прекрасная видимость, маскировка – и стоит ему потерять бдительность, расслабиться, довериться тому, что его так ласково здесь окружило, как реальность тут же обернется к нему совсем иной стороной, она раздавит его как мерзкого таракана. Поэтому Гуляев должен был оставаться настороже.

Заглянув под лежак и удостоверившись, что под ним не притаилась никакая ядовитая тварь, он снова набрал номер жены. Ксения не взяла трубку. Он поднял крышку своего ноутбука и продолжил читать:

«...А до этого, то есть до появления инвалида, все наше внимание, как назло, было приковано именно к ней, к Филомеле. Чем еще, скажите на милость, можно интересоваться в нашей убогой глиняной деревушке, одинаково далеко отстоящей от Афин и от любого другого приличного города священной Эллады, как не загадочной жизнью такого вот совершенно нездешнего, исполненного полумистической эротики вызревающего существа, о котором шептались, что она, наверное, царская дочь; и которое неизвестно откуда появилось на наших пустынных улочках, где все интересы сходились на урожае репы, на глухой зависти, да на безрадостно-грубых соитиях после заката солнца; и которое, то есть – существо, непонятно почему поселилось у старого, сильно пьющего, но всегда способного к работе, одинокого кузнеца, и мучило его и томило шипами поздней, никчемной, и в наших глазах – преступной страсти. Нет, нет, не может быть тут и речи о совместном спанье – она словно догадывалась о замысле богов касательно ее девичества и об ужасных преступлениях, с ним связанных. Догадывалась и жила в таинственном полусне ожидания, терпеливо высматривая торжественного своего грабителя...»

Со стороны отеля послышались громкие голоса, и Гуляев прикрыл компьютер. Свечение экрана выдало бы его. Общаться ему ни с кем не хотелось.

Красивая, уверенная в себе немецкая речь звучала все явственней, и через несколько мгновений из-за кустов появилась та самая развеселая троица. Мужчина, в полный рост оказавшийся довольно крупным экземпляром, явно ни в чем не сомневался и по-хозяйски прижимал к себе своих спутниц, обнимая их за тонкие – Гуляев про себя сказал: «звонкие» – талии.

Смеющиеся и бесконечно перебивающие друг дружку немцы прошли мимо притаившегося, как змей в ночи, Гуляева и, не обратив на него никакого внимания, спустились к морю. С пляжа еще несколько минут долетали их возбужденные вином и роскошной ночью праздничные голоса, но потом все стихло. Уплыли они, раздевшись и бросив льняные свои одеяния на черном вулканическом местном песке, или предались чему-то иному – Гуляева не интере-

совало. Он снова раскрыл свой компьютер и продолжил читать то, что уже странным образом стало ему безразличным:

«...Отвечала ли она кузнецу хотя бы признательностью за весь этот хоровод его чувств, устремлений, за неловкую в мучительной невозможности саму себя выразить косноязыкую его любовь, сияющуюся промычат что-то нежное, прижать, приласкать огромной заскорузлой лапой; была ли она хоть в малой степени благодарна ему за терпение, с которым он принимал ее тревожный способ жить, не появляясь иногда по целым неделям в его прокопченном домишке, а возвратившись, непреклонно молчать о причинах столь долгого отсутствия и в конце концов добиваться того, чтобы в этих причинах начинал винить себя он, влюбленный, тем более что сделать это было легче легкого, ибо не бывает безнадежно влюбленного мужчины, не готового пугливо и радостно взять на себя любую вину, какой бы несправедливой она ни была; так вот, светила ли она в ее взоре, обращенном к несчастному кузнецу, малейшая благосклонность: этот вопрос ни сейчас, ни тогда у нас затруднений не вызывал. Не было там никакой благосклонности, и тепла там тоже никакого не было, а была одна лишь мука и бестолковщина, несуразица и жестокость, потому что девчонка точно была жестока – видно, так уж ей на роду написано было. Мы просто ужасом заходились, когда она глазами своими полуприкрытыми нас разглядывала – точно кто из-под воды на тебя смотрит, потом переводит утопленницы взор на кузнеца – а тот уже и бежит в кузню и воет там жутко, железо свое гнет. После уже, когда она во Фракию сбежала и когда первый из тех вестников появился, которых мы еще долго потом боялись и ждали, а они все равно неожиданные, страшные, словно с неба падали, – проснемся однажды, а кто-то из них опять тут как тут: смотрит, молчит, будто нас в чем укоряет; вот так и тот, первый, молчал, пока рта не раскрыл, да и когда раскрыл – все равно молчал, – тут уж мы заголосили, заотвораживались, что нельзя, мол, так над людьми издеваться, и какие это изверги, гонцов отправляя, языки им рвут, и, главное, зачем, и что это за весть, которую можно передать, вырвав человеку язык с корнем? Вот после этого-то посланца и понимать мы начали, что не зря полуприкрытых глаз боялись, что кузнецу лучше бы с самого начала о наковальне да о выпивке лишь тревожиться, а в эту смуту с любовными грезами вовсе не мешаться. Но понимание, вернее – начало его, много позже к нам пришло, а тогда мы просто, без тени всякой мысли и покушения на какие-либо выводы, бестолково следили за ней, за Филомелой, как следил бы раздраженный зверь за любым посторонним предметом, оказавшимся волею случая в опасной близости к его жилью и его детенышам. Кто-то намекнул, что дело не обошлось без ведьмачества, и мы безропотно стали привязывать на ночь нашим малышам пучки заговорной травы...»

Гуляев оторвался от текста, прислушавшись к ровному шуму волн. Дыхание уставшего за день моря было безропотным и нежным, как у той женщины, которая, даже уснув, умеет оставаться одновременно искусительницей и беззащитным ребенком, до боли родным и в то же время космически недостижимым существом. Помимо звуков мерного чередования дремлющих волн Гуляев со стороны пляжа больше ничего не услышал. Хотя прислушивался очень хорошо.

С учетом того, что шумная прежде немецкая тройка мимо него обратно к отелю не проходила, он невольно представил себе, чем они могли втихомолку заниматься там, на пустом

пляже. Глядя на белую доску с надписью «После заката вход на пляж воспрещен», Гуляев вспомнил одного своего приятеля, жизнелюбивого и удачливого чиновника, спросившего у него однажды то ли в шутку, то ли всерьез – пробовал он когда-нибудь сразу с двумя или нет. Гуляеву тогда удалось отшутиться, однако, вспомнив теперь охватившую его при этом бестактном вопросе неловкость, он задумался о странной природе соблазна.

Тот немолодой, но все еще очень полный любви к жизни чиновник мог весьма органично и даже не без своеобразного обаяния предложить юной и на загляденье красивой официантке в дорогом ресторане выйти за него замуж на два часа. Гуляева, в присутствии которого было сделано и с достоинством, кстати, принято это предложение, удивила тогда не только подкупающая раскрепощенность его приятеля, но и такая же подкупающая раскрепощенность девушки. Она явно осознавала себя равной фигурой в этом мероприятии, в этой наметившейся договоренности – игроком, с которым надо считаться, причем ровно так же серьезно, как и с тем, кто вынес это предложение на повестку дня.

Причина же этого равенства, как понял теперь Гуляев, крылась в социальной, групповой сути соблазна. Для него, как и для проявлений зла, добра, справедливости, одного участника недостаточно. Эти абстракции реализуют себя только в групповой среде. Невозможно быть злым или добрым по отношению к пустоте. Пустоту не заставишь несправедливо страдать или испытать вдруг твое великодушие. Соблазну, злу и добру нужна социальная почва, живой конкретный объект, иными словами – жертва, без которой их просто не существует. Пока человек в одиночестве, он не знает – добрый он или злой. Вот почему в детстве все так любят читать про Робинзона. Ребенок инстинктивно выбирает мир, где до поры до времени вопросы морали не возникают.

Девушка в ресторане прекрасно понимала, что сделавший предложение «выйти замуж» не способен реализовать этот замысел в одиночку, что она тут ключевое звено, и без нее конструкция распадется, а потому, вместо глупой стеснительности или демонстрации оскорбленных чувств, она была преисполнена достоинства и понимания собственной значимости. Вспомнив теперь ее красивое лицо, Гуляев вздохнул и покачал головой, как будто жалел, что это не он сделал то предложение. Экран компьютера тем временем погас. Надо было идти в номер и ставить ноутбук на зарядку.

В прохладной после духоты снаружи ванной комнате почему-то горел свет. Гуляев не мог вспомнить – выключал он его или нет, когда уходил на ужин, и подозрение, что он его все-таки выключил, сильно встревожило его. Разумеется, если бы днем не приключилась вся эта катавасия со змеей в открытой гробнице, сейчас он бы и глазом не моргнул. Свет могла включить и оставить заглянувшая по поводу какого-нибудь шампуня горничная. Однако после того, что произошло в Некрополе, состояние тревоги не покидало Гуляева целый день, окрашивая все обстоятельства в странные, даже абсурдные тона.

Проверять номер он начал со шкафа у входной двери. Вооружившись обувной ложкой на длинной рукояти, он осторожно переворошил все свои вещи, выложенные на полки, а самое пристальное внимание уделил аккуратно свернутому халату. В его белоснежных махровых складках запросто могло притаиться что-то зловещее. Гуляев не знал точно, что он ищет или чего может ожидать, но увесистую обувную ложку сжимал с полной готовностью размозжить ею любую тварь, которая ему подвернется. Он отдавал себе отчет в том, что ни одно существо, способное спрятаться среди его трусов и футболок, не могло включить электричество в ванной, однако абсурд собственного поведения лишь усиливал его злость.

После шкафа он проверил комод, мини-бар и даже холодильник. В сейфе, разумеется, тоже ничего не было. А вот под кровать ему заглянуть не удалось. Низкие боковые стенки закрывали пространство под нею, упираясь в ковер, и чтобы бросить туда свой нервный пылкий взгляд, Гуляеву пришлось бы оторвать их. Пару минут он вполне серьезно рассматривал такую возможность, но потом все же сумел взять себя в руки. То, что могло безмолвно там

находиться, осталось в зоне подсознательных страхов и зависело теперь от прихотливости его все еще взбудораженной фантазии.

Подавив охвативший его приступ паники и похвалив себя за сохранные остатки здравого смысла, Гуляев подключил свой компьютер к зарядному устройству, уселся в кресло и, чтобы окончательно прийти в чувство, начал читать вслух на греческом языке:

«...Мы и неизвестно до чего бы дошли в благоговейном своем трепете перед умыслом Зевса относительно Филомелы, когда бы не появился тот солдат с военными рассказами и не увлек нас, послушных и смиренных, на стезю походов и грабежей, в область разбойничью и пряную, как те замысловатые лакомства, что привозят иногда на своих кораблях финикийцы из диких, исполненных варварского сладострастия земель, от чужих царей и из чужих гаремов. Мы погрузились в волнующие бездны перекликавшихся сигнальными трубами историй, дав Филомеле возможность независимо от нас узнать о своей сестре Прокне, непонятно откуда возникшей и вышедшей замуж за фракийского царя Терея, и беспрепятственно удрать навстречу губительной судьбе и царственному фаллу свирепого быка, Терея-бабника...»

Ночью Гуляеву приснилась его жена Ксения с большим хлебным ножом в правой руке. Отчужденная, неторопливая и холодная, она вошла абсолютно голая в его номер, остановилась у кровати и перерезала ему горло. Проснувшись, он порывисто и хрипло дышал еще, наверное, минуту, таращился в темноту, затем хотел встать, но побоялся, потому что не помнил – была ли под боковинами кровати щель, и какая, и не могло ли через нее выбраться то, что, возможно, пряталось там внизу.

Так он пролежал без сна минут десять – крутился, подворачивал под себя одеяло, проклинал узкие и длинные как валики для диванов гостиничные подушки, пытался зачем-то вспомнить, в какой стране подушки были нормальной формы и нормальных размеров, потом, наконец, вскочил на ноги, включил везде свет и, озверев, разнес боковые стенки кровати в несколько ударов голыми пятками. Фанера оказалась довольно хлипкой.

Утром он передал найденное под кроватью колечко приветливым девушкам на стойке администратора. Когда во время обеда к нему подошел говоривший по-русски официант и с уничтожающим выражением на лице сообщил, что на террасе его ждет руководитель службы безопасности отеля, Гуляев решил, что разговор пойдет об изувеченной ночью кровати. Не спеша доев свой овощной суп, запеченную в соли дораду и даже фруктовое мороженое на десерт, он вытряхнул из пластикового контейнера зубочистку, лихо и независимо, как ему показалось, зажал ее между зубами и подчеркнуто неторопливо прошел на террасу, где навстречу ему из глубокого кресла тут же поднялся темноволосый и совершенно не загоревший – как будто вообще не выходил из отеля – человек в сером костюме.

– Вам не следовало беспокоиться, – по-английски заговорил первым Гуляев. – Я за все заплачу.

– Следуйте за мной, – негромко сказал начальник охраны и указал на дверь, рядом с которой стояли еще двое мужчин в таких же серых костюмах.

– Вы что, шутите? – усмехнулся Гуляев. – К чему это все?

– Вы должны пройти с нами, – вежливо ответил начальник охраны. – Точнее – проехать.

– Куда?

– В полицию. Там вам всё объяснят.

Гуляев помолчал, осознавая неожиданный поворот, и решил на всякий случай оценить свое положение.

– Мне нужно взять компьютер... Я должен работать.

– Разумеется. Мы будем ждать вас вон там, – начальник службы безопасности указал через стеклянную дверь на стойку администратора, у которой толпились прибывшие чартерным рейсом молчаливые, но улыбочивые японцы с грудями своего багажа.

«Мы же тем временем замороженно внимали предсмертному хрипу заходящихся в истерике коней Диомеда, с восторгом и ужасом следили за непрерывной цепью насильственных прелюбодеяний могучих воинов, погрузивших мир вокруг себя в жаркие волны мятушейся крови, слушали, как сшибаются черепа и лопаются внутренности, как кричат, озверев от наслаждения и боли, насилуемые в храмах и дотоле не доступные никому из смертных прекрасные жрицы великих богинь, видели, как катятся изуродованные останки героев с летящих колесниц в горячую троянскую пыль...»

Старательно читая все это на заднем сиденье просторной машины, которая, как он, облегченно вздохнув, отметил, не была полицейской, Гуляев делал ужасно сосредоточенное лицо, шевелил губами и даже время от времени задумчиво кивал, дабы наблюдавший за ним в зеркальце начальник охраны пришел к выводу, что он на самом деле работает, что он очень занят, что он серьезный и крайне дорожащий своим временем человек – причем настолько серьезный, что даже поездка в полицию на территории чужой страны не в силах его хоть чем-то обеспокоить.

«Да, да, конечно, – кажется, речь шла именно о Трое и об ушедших туда то ли десять, то ли двадцать лет тому назад ахейских бойцах. Здесь, надо сказать, рассказчик и сам испытывал некоторые затруднения...»

Здесь, надо сказать, читатель тоже испытывал затруднения. Машина, в которой его везли неразговорчивые люди в серых костюмах, выскочила за черту города, и по обеим сторонам от нее потянулись желтоватые, выжженные солнцем, лишенные почти всякой растительности пейзажи. Почему его увозят из Пафоса, Гуляев не понимал. Теряясь в догадках и чувствуя, как пот от страха веселыми щекотливыми паучками все чаще сбегает у него между лопаток, он никак не решался спросить об этом и все крепче сжимал влажными руками свой злосчастный компьютер со злосчастливым текстом на греческом языке. Подобно гоголевскому Хоме Бруту он уже практически вслух бубнил как заклинание этот текст, отгоняя страхи, упырей, вурдалаков и, разумеется, прекрасную панночку.

«...потому что, добравшись в повествовании до рассуждений о сути и причинах столь непримиримой бойни, он постоянно натывался, мы бы не сказали, что на стену, но, во всяком случае, на небольшую изгородь непонимания – это уж точно. Ибо ни один из нас не помнил, чтобы куда-то уходили наши воины, да еще объявив при этом едва ли не всегреческую мобилизацию. Глухо поговаривали, правда, об истории со спартанской женой, якобы соблазненной заезжим азиатским красавчиком, но что потом целое войско ушло губить чужой город – об этом как-то молчали, да и мало ли умышляют смазливых жен...»

– Это уж точно, – неожиданно вслух и по-русски сказал Гуляев.

– Что? – обернулся к нему начальник охраны.

– Ничего, – перешел Гуляев на английский язык. – Скажите мне, пожалуйста... Куда мы едем?

– В соседний город.

– Зачем? Разве в Пафосе нет полиции?

– Есть. Но штаб-квартира нашего полицейского округа находится в соседнем городе.

Начальник охраны отвернулся и уставился на дорогу. Его крепкая спина отчетливо говорила – вопросов больше не надо.

За сломанную гостиничную кровать Гуляева вряд ли бы повезли к большому полицейскому начальству. Дело было явно в другом. Но вот радоваться этому открытию или нет – он пока не понимал. Поэтому вернулся к смазливym женам.

«...да и мало ли умыкают смазливых жен. Нам вообще казалось, что все это имело место, ну, может быть, лет двести-триста назад, или об этом даже только пророчествовали, как о возможном впоследствии. Короче, мы не очень верили убогому ветерану, когда он пытался увязать этот утративший всякую прелесть новизны семейный скандал с величественным побоищем, где даже боги в азарте хватали доспехи и мчались, сея смертоносный ужас, в кровавую сечу. Нам претило желание рассказчика облечь историю конкретностью, обозначить точные даты, причины и мотивы поступков, ибо в этом случае она, то есть – история, которая теперь уже была столько же наша, сколько и его, теряла свое волшебное значение всемирной тайны о человеке и его борениях, и становилась рядовым вооруженным конфликтом, способным заинтересовать разве что напрочь лишенных религиозного и поэтического воображения военных историков. Не много было во всем этом для нас поэзии, способной отвлечь нас, мечтательно стремящихся к разгадке взаимоотношения человека и бога, от скуки остального мира, пробавляющегося возней вокруг тронов и петушиным соперничеством, а главное, расценивающего эти свои занятия как самоцель, но не как предметы для размышления все о том же таинственном взаимоотношении человека и божества...»

– Нам еще далеко? – спросил Гуляев, поднимая голову и скользя взглядом по весьма неприютным плешивым холмам. – Мне надо к ужину хотя бы вернуться.

– Это неважно, – ответил начальник охраны, не повернув на этот раз головы.

– Что значит «неважно»? – попробовал возмутиться Гуляев. – Я за все заплатил. Кто мне вернет стоимость ужина, интересно узнать?

Начальник охраны не счел необходимым даже пожать плечами. Он просто молчал и смотрел на дорогу перед собой.

«Это все карма, – тоскливо подумал Гуляев. – Мстит мне, собака... А кто виноват, что иногда так тянет покурлесить?»

Мысли об Ольге, о его дерзкой и недоступной панночке, заставили сладко зануть что-то у него в груди. Он опустил крышку компьютера и закрыл глаза, чтобы целиком погрузиться в это щемящее чувство, но на ум вдруг пришла история про мужика по имени Марей из «Дневника писателя», который он недавно перечитывал у Достоевского. Классик там вспоминал о своеобразной забаве на каторге, когда он ложился в казарме на свое место напротив окна с железной решеткой, закидывал руки за голову, притворяясь спящим, потому что к спящему никто не лез, а сам по шажочку восстанавливал прошедшую до этого момента собственную жизнь и переставлял в ней то, что не очень устраивало, – правил, как правят рукописи, редактировал, менял местами.

Вот так и Гуляев сейчас предался исправлению реальности. Он решительно настоял на том, чтобы Ксения отказала младшей сестре, когда та год назад собралась перебраться из своих волгоградских степей в Москву. Он сам поехал к ней в городок с гостеприимным и теплым названием Калач-на-Дону, чтобы объяснить – насколько неправильным и чреватым будет решение переехать из этого рая в столицу. И там в Калаче они по утрам целомудренно ловили задумчивую некрупную рыбу, а по вечерам...

Нет, он никуда не поехал. И сто пятьдесят тысяч, отложенных на взятку за военный билет для сына, он не потратил на дорожный тур для двоих на Кипр, а честно, как и планировалось, отнес их специальному секретному человеку, и Сережа остался в итоге дома, и Ксения больше не злилась за то, что ей придется одной ехать к сыну в часть на присягу, вообще не злилась оттого, что она должна теперь произносить эти два слова: «воинская часть», должна считаться с ними, впустить их на равных со всеми другими словами в свою жизнь.

Но самое главное, самое дорогое, самое важное – Гуляева больше не было здесь. Это не он ехал на заднем сиденье служебной машины. Не он вышел из нее, шагнув, как в кипящее сгущенное молоко, в тяжелый и вязкий зной, не он поднялся на низенькое крылечко полицейского управления, а затем прошел по унылому полутемному коридору в комнату, где сидел унылый и полутемный следователь в унылом и полутемном парике.

– Добрый день, – сказал следователь по-английски. – Садитесь, пожалуйста.

Гуляев присел на указанный ему табурет, стоявший перед широким столом, который весь был заляпан темными полумесяцами и полными лунами от кофейных чашек. Одна из них стояла рядом с полицейским чиновником.

– Как доехали?

Он смотрел Гуляеву прямо в глаза и с терпеливым участием ждал ответа, словно его на самом деле интересовало то, о чем он спросил.

– Что я здесь делаю? – медленно, почти по слогам произнес Гуляев. – С какой целью меня сюда привезли?

Следователь перевел очень вежливый, если не сказать – робкий, взгляд на гостиничного начальника охраны и заговорил с ним по-гречески.

– Вы разве ему не объяснили?

Тот подошел к столу и склонился к самому уху следователя. Пока он шептал ему что-то, время от времени поглядывая то на доставленного постояльца своего отеля, то на лежавший перед ним компьютер, Гуляев перевел дух и сколько мог осмотрелся. На голове у следователя действительно был парик. Помимо этой детали, говорившей не столько о тщеславии, сколько о страхе перед общим жизненным поражением, в нем отчетливо просматривалась тяга к некой согбенности. Даже человека, от которого он ничуть не зависел, следователь выслушивал с таким участливым лицом и с таким вниманием, словно едва удерживался от извинений за то, что вообще о чем-то его спросил.

Гуляев, привыкший в своей академической среде к самым разнообразным формам и степеням человеческой согбенности, был удивлен тому, что повстречал ее вдруг в полиции, да к тому же в европейской стране. Это событие отвлекло его немного даже от его собственного странного положения.

Кивнув, наконец, начальнику охраны отеля, следователь посмотрел на сидящего напротив него Гуляева и приветливо ему улыбнулся.

– Значит, вы говорите по-гречески?

– Да.

Видимо, в машине по дороге сюда он бормотал текст из компьютера слишком громко.

– Можно взглянуть? – полицейский указал на лежавший между ними на столе ноутбук.

Гуляев подвинул к нему компьютер, и следователь, подняв крышку, чуть нараспев прочел вслух:

«...Однако права очевидца и участника событий вынуждали нашего сказителя сердиться на легкомысленную, так ему казалось, склонность своих слушателей к путанице и к неуместным, опять же по его мнению, в такой сфере как смертоубийство метафорам...»

Замолчав, он оценивающе покивал и даже слегка причмокнул, будто смаковал хорошее выдержанное вино.

– Это красиво. Вы – настоящий писатель.

Гуляев протестующе поднял правую руку, но следователь замотал головой, не давая ему сказать.

– Поверьте, мне часто приходится заполнять разные документы, и такие слова, как у вас, я бы ни за что не нашел. «Смертоубийство»... – он снова причмокнул. – Это очень красиво. Старинное слово, сейчас так уже не говорят. Откуда вы его знаете на греческом? Мы – скучные люди. Пишем в отчетах просто «убийство».

Следователь повторил слово «убийство» и с легким пренебрежением пожал плечами, как будто рядом с чужой крупной купюрой выложил на стол затасканную в карманах мелочь.

Гуляев покачал головой.

– Простите, но это не я написал. Я купил этот текст.

Они оба перешли с английского языка на греческий, и следователь, которому так было явно удобней, с удовольствием откинулся на спинку своего стула. С него как будто сняли обременительную и неприятную ему ношу.

– Купили? – Он поднял брови. – Зачем?

– Я не знаю... Так получилось.

– Извините, я могу быть свободен? – вмешался в их разговор начальник охраны, который все еще стоял за спиной у следователя.

– Да, да, конечно, – с готовностью обернулся тот.

– Подождите, – запротестовал Гуляев. – А как же я?

– Что – вы? – едва заметно поморщился начальник охраны, уже открывая дверь.

– Как я доберусь до отеля?

– А мы подвезем вас, – быстро сказал следователь. – Не беспокойтесь.

Гуляев нахмурился, помолчал, но потом все же кивнул.

– Хорошо.

Начальник охраны прикрыл за собой дверь, и ниточка, связывавшая Гуляева с беззаботной курортной жизнью, окончательно оборвалась.

Впрочем, следователь не дал ему возможности как следует осознать это.

– Узнаёте? – он положил на стол прозрачный пакетик с кольцом внутри.

Гуляев близоруко сощурился и склонил голову ближе к столу. Крохотное окошко, напоминавшее скорее отверстие для передачи пищи подследственным, едва пропускало то, что осталось от солнечного света после фильтра из ползучих растений, облепивших наружные стены полицейского управления.

– Да, узнаю. Я нашел его сегодня ночью под кроватью у себя в номере.

– Откуда вы знали, что под кроватью у вас в номере лежит кольцо?

– Я не знал.

– То есть вы не искали его?

– Нет.

– А зачем же тогда вы сломали боковые стенки у кровати?

Гуляев смотрел на следователя, прямо в его полные участия глаза, и понимал, что, наверное, не сумеет объяснить приступ ночной паранойи.

– Вы понимаете... – начал он.

– Нет, не понимаю, – тут же перебил следователь, не оставив ему даже самой жалкой возможности что-нибудь наплести.

– Но я хотел рассказать...

– Неважно, что вы хотели мне рассказать, – голос полицейского чиновника зазвучал вдруг совсем иначе, в нем практически не осталось и следа того участия, с которым он обращался к

задержанному в начале их разговора. – Важно, зачем вы сломали боковые стенки. Если бы вы не знали, что лежит под кроватью, вам не было смысла их ломать. Согласитесь?.. Так откуда вам было известно, что там кольцо?

Гуляев замотал головой:

– Далось оно вам! Вы всех туристов допрашиваете из-за такой чепухи?

Следователь встал из-за стола, взял свою кофейную чашку и пошел с ней к двери. Открыв ее, он сунул чашку в образовавшуюся щель, и там кто-то с готовностью подхватил пустую посуду.

– Не всех, – сказал он, возвращаясь на свое место. – Тех, кто не обнаруживает важнейшую улику в деле о жестоком убийстве, мы не допрашиваем. Ни одного вопроса им не задаем.

– Убийство?.. – Гуляев хотел еще что-то сказать, но беспомощно смолк.

– Да, да, – кивнул следователь. – Или, если хотите, смертоубийство... Как написано у вас в рассказе.

Он указал на раскрытый компьютер.

– Это не я написал.

– Конечно. Вы уже говорили.

На несколько секунд в комнате воцарилась такая тишина, что стало слышно как шелестят трущиеся о наружную стену из-за порывов ветра ползучие растения. Чтобы прервать этот мертвенный шелест, Гуляев даже закашлял, хотя в горле у него ничуть не першило.

– А кто был убит? – выдавил он.

– Молодая женщина. Очень красивая. Тоже приехала из России. Правда, интересное совпадение?

– Я с этим никак не связан.

– Возможно. Однако вы знали, где искать кольцо.

– Я сам принес его на стойку администратора.

– Умно, – следователь одобрительно кивнул. – Рискованно и все же умно. Вы могли рассчитывать на то, что именно по этой причине вы окажетесь вне подозрения.

Гуляев всплеснул руками:

– Да я мог, вообще, не доставать из-под кровати это кольцо.

– И тем не менее вы это сделали. Возникает вопрос – зачем?

Следователь замолчал, и некоторое время они, как два истукана с острова Пасхи, неподвижно смотрели друг на друга.

– А может, подробней расскажете? – Гуляев наконец шевельнулся и с вызовом скрестил руки на груди. – Хотелось бы узнать, что произошло с той русской туристкой.

Он пытался хоть как-то перехватить инициативу и потому перешел в атаку. Ему надо было потянуть время. Надо было понять, как себя вести. Следователь явно играл с ним, и Гуляев решил, что ему лучше сделать вид, будто он тоже играет. Так, по крайней мере, он хотя бы не выглядел тем напуганным идиотом, которым себя в этот момент ощущал.

– Две недели назад, – негромко заговорил полицейский, глядя прямо в глаза Гуляеву, – в Пафосе, в районе старого Форты, была найдена мертвая женщина. На ее теле обнаружены следы пыток. Отрезаны два пальца – средний на правой руке и большой – на левой. Голова практически отделена от туловища. Судя по всему, погибшую душили металлической проволокой, которая в итоге разрушила мышечные ткани и разрежала шею жертвы до самого позвоночника.

Следователь сделал ребром ладони жест, похожий на движение ножа гильотины.

– Меня не было здесь две недели назад, – поторопился возразить Гуляев.

– А у нас другая информация. Человек с вашей фамилией прилетел на Кипр еще в прошлом месяце.

– Это не я! У меня много однофамильцев. Гуляев – очень распространенная фамилия в России.

– Мы проверим.

– Проверьте! Я уверяю вас, что имя и отчество не совпадут!

– Хорошо, хорошо, – следователь поднял правую руку, чтобы остановить отчаянный напор со стороны задержанного. – Вы же хотели узнать о преступлении.

– Да, извините. Я вас слушаю.

Гуляев даже сложил на столе перед собой руки, как делают послушные школьники в младших классах, когда внимают своей первой учительнице.

– На теле жертвы, – продолжил следователь тоном патологоанатома, диктующего отчет, – были обнаружены также многочисленные ножевые ранения. Кишечная полость вскрыта очень острым предметом – скорее всего опасной бритвой либо хирургическим скальпелем...

– Простите, – перебил следователя Гуляев. – А для чего вы мне сообщаете все эти ужасные подробности?

– Но... Вы же сами просили.

Его лицо под фальшивыми волосами выразило настолько фальшивое удивление, что Гуляев нервно рассмеялся и замотал головой.

– Нет, я спрашивал не об этом. Я лишь хотел узнать, в чем конкретно меня обвиняют, а вы обрушиваете на меня кровавые детали. Хотите ошеломить меня, сбить с толку, чтобы я от растерянности подписал все, что мне подсунут! Такие у вас методы?! Не выйдет! Со мной это не пройдет!

Следователь замахал на него руками.

– Да что вы! Даже в мыслях не было...

– Не надо! – вскочил с табурета Гуляев. – Думаете, напугали? Я сам о таких вещах могу рассказать, что ночь потом спать не будете! Вы про Нагорный Карабах слышали? У меня знакомый один есть, который участвовал там в боевых действиях. Так вот он мне рассказывал, что однажды солдаты из его подразделения в футбол играли отрезанной головой. В футбол! Человеческой головой! В двадцатом веке!

Гуляев уже кричал, размахивая руками, уплывая куда-то, теряясь в том ужасе, который пытался обрушить на ненавистного следователя.

– Вы успокойтесь, пожалуйста, – хлопнул тот, наконец, рукой по столу. – И сядьте!

Повернувшись к двери, приоткрывшейся на крик, он жестом показал, что все в порядке. Дверь тут же закрылась.

– Может, воды? – следователь испытующе смотрел на Гуляева.

Тот уже опустился на табурет и отвернулся к узенькому окошку. С улицы долетел долгий автомобильный гудок.

– Хотите воды? – повторил следователь.

– Нет, – ответил Гуляев, хотя очень хотел.

Несколько секунд в комнате стояла тишина.

– А на чьей стороне воевал этот ваш знакомый? – заговорил первым следователь. – Он армянин или азербайджанец?

Гуляев поморщился:

– Да какая разница? Обвинить кого-нибудь хочется? Или для вас политический аспект что-то меняет?

Следователь вздохнул и пожал плечами:

– В этом случае, наверное, нет.

– Вот именно... Так что давайте больше не будем играть в страшилки... Объясните лучше, каким образом найденное мною кольцо... – Гуляев кивнул на прозрачный пакетик, лежавший между ними на столе. – Как оно связано с погибшей?

По лицу следователя он вдруг понял, что попал в самую точку. Полицейский не успел скрыть мелькнувшую в его взгляде досаду, и Гуляев тут же уцепился за эту соломинку. Годы,

проведенные в университетских аудиториях, и сотни принятых экзаменов выковали из него пронизательного психолога. Его студенты знали, что любая попытка ловчить у него на зачете обречена на провал. Гуляев замечал всё.

– На каком основании вы уверены, что кольцо принадлежало именно этой женщине? – воодушевившись, продолжал он развивать свой успех. – Ведь на трупе вы его не нашли, коль скоро оно оказалось у меня под кроватью. Или оно пропало уже потом? Это вот так вы следите за своими вещественными доказательствами?

Сарказм, прозвучавший в последней фразе, был явно излишним, и Гуляев немедленно уловил это по насупившемуся лицу следователя, однако, даже поняв, что перегнул палку, продолжал наседать и в конце концов добился желаемого. Полицейский признал, что стопроцентной уверенности насчет этого кольца у следствия нет, однако по внешнему виду оно абсолютно соответствует снимкам, которые предоставил муж погибшей.

– То есть вы задержали меня из-за каких-то там фотографий? – снова не удержался от саркастических интонаций Гуляев.

– Да, – кивнул следователь. – Мы разослали их по отелям в надежде на то, что сотрудники найдут в номере или опознают у кого-то из постояльцев пропавшее вместе с отрезанным пальцем украшение. В итоге сегодня утром нам позвонили из «Элизиума».

– Великолепно! Значит, в таком важном деле, как убийство... Или – смертоубийство, как вам понравилось выражаться... Вы полагаетесь на полуграмотных горничных, которые не говорят ни на одном европейском языке, а вместо этого разглядывают фотографии... Отлично! Bravo! Это просто новое слово в криминалистике.

Гуляев был уже почти в своей тарелке и модулировал голос так же красиво и чувственно, как он это делал на собственных лекциях. Финальная реплика о криминалистике должна была, по идее, уничтожить простофилю следователя.

– Эти бедные девушки, очевидно, знаками дали понять вам, что опознали кольцо на снимке? Вы отдаете себе отчет, что не сможете использовать их показания для идентификации улики?

– А нам этого и не надо, – пожал плечами следователь. – Мы ждем результата анализа.

– Какого анализа? – осекся Гуляев.

– Обычного. На кольце были обнаружены следы крови. Сейчас их идентифицируют на предмет совпадения с кровью жертвы.

Следователь посмотрел на часы и кивнул.

– Думаю, уже всё готово. Пойду, узнаю.

У двери он обернулся и подмигнул.

– Вы тут не скучайте. Поработайте, если хотите, – он указал на раскрытый ноутбук. – Компьютер у вас пока не забираю. В нем ведь модема нет?

– Нет, – Гуляев отстраненно покачал головой.

Он был похож на человека, который долго и трудно шел по болоту, избегая зыбкой трясины, затем выбрался наконец на более-менее надежный островок, но не успел перевести дыхание, как островок этот зачавкал и стал расплываться прямо под ним.

– Ну, вот и славно, – сказал следователь. – Потому что Интернет – это зло.

Подмигнув еще раз, он скрылся за дверью.

Гуляев сидел неподвижно несколько минут. В горле у него пересохло. Сердце билось громко и неровно, пропуская удары, иногда проваливаясь в какие-то ямы, ведомые одним кардиологам и перепуганным сердцам. Живот сводило тем гадким холодом, который прихватывает в самолете при сильной турбулентности или когда лайнер вдруг проваливается вниз. Гуляеву было страшно.

Он встал из-за стола и подошел к окну. Густая растительность снаружи не позволила ему ничего разглядеть. Он ощутил себя замурованным в склепе. Ползучие растения, облепившие

крохотное окно, были венками, прислоненными к надгробию. Гуляев представил себе траурную плиту и свой лихорадочный глаз, выглядывающий из небольшого отверстия между буквами «л» и «я» в набранной золотом строке с его собственной фамилией. Задохнувшись от приступа жуткой клаустрофобии, он отшатнулся от незатейливой дырки в стене, которую тут выдавали за окошко, и вернулся к столу. Дышал он тяжело, как после бега, ступал неверно.

«Однако права очевидца и участника событий вынуждали нашего сказителя сердиться на легкомысленную, так ему казалось, склонность своих слушателей к путанице и к неуместным, опять же по его мнению, в такой сфере, как смертоубийство, метафорам...»

Гуляев перевел взгляд с монитора на дверь и прислушался. Ему показалось, что в коридоре прозвучал чей-то негромкий смех. Секунду-другую он смотрел в ту сторону, но дверь не открылась.

– Да пошли вы... – пробормотал он и, зажав уши ладонями, начал истово читать вслух:

«Размахивая культами и покрикивая, он горячо доказывал нашу неправду и постоянно приводил какую-то историю о деревянном коне и о хитрющем царе Итаки, который, оказавшись он на нашем месте, уж конечно, не вел бы себя так беспечно, и если бы даже сам не принимал во всем этом участия и едва ли ни придумал всю проделку, то после первого же рассказа любого нормального понюхавшего крови бойца, с отрубленными к тому же руками, сразу бы сообразил что к чему и какая огромная тактическая польза следует из подобной хитрости для тех, кто осадил несговорчивый город и уже не чает видеть стены его проломленными, а лучших жен – плачущими и покорными. Мы же на это соглашались с нашим хулителем, воздевали сокрушенно руки, скорбя о военно-тактической нашей бездарности, и, конечно же, тотчас забывали, кто там забрался в лошадиное чрево – троянцы ли, данайцы или, быть может, третья сторона – мало ли кому взбретет на ум против кого-то воевать и хитрить. Неужели необходимо запоминать всех этих драчливых, надутых вояк на одно лицо, расхаживающих подбоченясь туда и сюда в греческой истории, когда миру подарен столь восхитительный рассказ об обмане, сотнями нитей связанный с уходящими в туман прошлого и будущего забавными плутнями людей и богов, взаимно существующих, кажется, лишь для того, чтобы с озорством и жестокостью надувать друг друга или чтобы множить и множить эти истории с надувательством, глядящие одна в другую в бесконечном ряду зеркальных отражений, так что с ума сойдешь, если вздумаешь отыскивать самую из них первую, с которой, собственно, все и началось, и уж во всяком случае, свой затуманенный взор не обратишь на какую-то девчонку, проведавшую о новоявленной родне и решившую сбежать в тяготах нарождающейся похоти. Не обратишь, разумеется, если не усмотришь и здесь подобного ряда зеркал и двойников, перешептывающихся на понятном только для них языке и прекрасно осведомленных, насколько значительны и ужасны могут быть последствия взбалмошного, казалось бы, поступка одной вздорной девчонки...»

По той причине, что уши у Гуляева были крепко зажаты, он не услышал, как отворилась дверь и как в комнату для допросов снова вошел следователь. Постояв за спиной у задержанного и послушав немного его звучную декламацию, он протянул к нему обе руки, словно хотел отнять у него ладони от головы, но потом передумал и просто коснулся его плеча.

От неожиданности Гуляев сильно вздрогнул и, обернувшись, уставился на следователя, который благодушно улыбался ему в ответ.

– Ну вот, – сказал полицейский, гостеприимно разводя руками. – А вы беспокоились. Теперь все в порядке.

– Что в порядке? – не веря еще до конца в свою удачу, а только ее предчувствуя, выдавил Гуляев и попытался встать из-за стола.

– Да вы сидите, сидите, – опять улыбнулся следователь и слегка надавил ему на плечи. – Остались простые формальности.

– Какие формальности?

– Самые незначительные. Нам нужен ваш паспорт.

– Паспорт? – Гуляев озадаченно похлопал себя по карманам пиджака. – А у меня его с собой нет. Он у меня в номере, в сейфе.

– Ну, так проедем туда.

Следователь в третий раз лучезарно ему улыбнулся и широким размашистым жестом указал на дверь.

– Поехали! Чего вы сидите?

Полицейская машина оказалась гораздо просторней, чем та, на которой его привезли из гостиницы. Это ли, само по себе незначительное обстоятельство, или свалившийся камень с души, но так или иначе уже через пять минут после отъезда из полицейского управления Гуляев пришел в себя, и пейзаж, показавшийся ему по дороге сюда безжизненным, выглядел теперь интригующим, по-хорошему таинственным и даже обещающим замечательный вечер. Придорожные холмы, окутанные мягкими лиловыми сумерками, больше не таили угрозы, а то, что они почти напрочь лишены были всякой растительности, нисколько уже не угнетало, и даже напротив – почему-то радовало его взгляд.

– Скорее всего, и на ужин успею, – сказал, пряча невольную улыбку, Гуляев и посмотрел на часы.

Ему непременно хотелось общаться, сказать что-то такое очень мирное, снова курортное, не имеющее никакого отношения к смерти, допросам и преступлениям. Он хотел заговорить про местные достопримечательности, про холмы, про климат – любая тема годилась, лишь бы она подчеркивала, что сидевший на переднем сиденье человек больше не следователь для него, а слегка уставший местный житель, который должен гордиться своим родным островом и всячески нахваливать его, советовать известные одним киприотам дикие пляжи, самые лучшие рестораны и самые достойные марки вин.

Однако вместо этого человек на переднем сиденье, даже не обернувшись, сухо ответил:

– На ужин вам не хватит времени. Мы только туда и обратно.

Праздничные лиловые краски за окном мигнули, выцвели и погасли.

– Вы же сказали – остались небольшие формальности...

Гуляев почти физически ощутил, как машина вокруг него съеживается и становится тесной, словно гроб.

– Ну да, – следователь наконец обернулся. – Заберем ваш паспорт и проверим, когда конкретно вы прилетели. Чтобы все окончательно установить.

– Зачем? Вы же получили результаты анализа... Кровь не совпала ведь... Разве не так? Это же другое кольцо...

– Нет, нет, кровь совпала, – кивнул полицейский. – Это кольцо той самой убитой женщины. А вы что подумали?

В полумраке машины он взгляделся в помертвевшее лицо Гуляева и в притворной досаде пристукнул рукой по спинке своего сиденья.

– Постойте... Я что, ввел вас в заблуждение? О господи... Простите меня, ради всего святого. Я не хотел.

На мостике у входа в отель обнимались и хохотали те самые немцы, за которыми Гуляев наблюдал прошлым вечером. Жизнерадостный папаша обжимал своих спутниц, белея обна-

женными старческими коленями. Под светлым его пиджаком виднелась легкомысленная голубая футболочка с надписью на английском «Рожден для серфинга», а ниже шли синие шорты. В свете украшавших подъездной мостик ажурных фонарей вся группа выглядела ожившим скульптурным ансамблем с классическим похотливым сатиром и его нимфами. Очаровательный фонтан, откуда они могли сбежать после того как ожили, радужно сверкал вечерней подсветкой в десяти метрах от входа.

В пустынном фойе Гуляев увидел русскоязычного официанта, до этого сильно раздражавшего своей назойливостью. Однако сейчас он так сильно и так искренне ему обрадовался, что следователю и сопровождавшему их полицейскому в форме пришлось заметно прибавить шаг. Гуляев бросился к официанту, пробежав за ним вдоль всей гигантской фрески с девятью музами и нагнав его уже у Эрато, обхватившей одной рукой Терпсихору, а другой Мельпомену. Стройные девушки на стене делали вид, что заняты исключительно своим вечным танцем. Разноцветные одежды их развевались, соблазнительные прически игриво трепал нарисованный ветер, и никого на этой стене как будто не интересовал странный русский, судорожно хватавшийся за рукав удивленного официанта.

– Послушайте, – торопливо повторял по-русски Гуляев. – Послушайте... Позвоните, пожалуйста, в российское посольство. Я не знаю там ни одного телефона. Сообщите, что у гражданина России возникли проблемы с местной полицией. Пожалуйста... Я вам заплачу.

Он вынул бумажник, но следователь, который остановился у него за спиной, удержал его за руку.

– Да что вы так нервничаете? Сами сможете позвонить. Я завтра выясню для вас номер. А может, вообще звонить не придется. Сейчас возьмем ваш паспорт, пробьем его и всё узнаем. Если вы действительно прилетели после убийства, у нас к вам вопросов больше не будет.

Все это следователь произнес на чистейшем русском языке. Гуляев оторопело смотрел на него.

– На Кипре многие говорят по-русски, – улыбнулся следователь и подмигнул. – Ваши соотечественники у нас желанные гости. Идемте, идемте.

Он увлек растерянного Гуляева к лифтам, где на стене со своих портретов сияли улыбками Мэтт Дэймон, Скарлетт Йохансон и все остальные баловни судьбы. Не улыбалась одна Моника Белуччи. Она смотрела на Гуляева прямо, строго и даже чуть осуждающе, словно знала, что происходит, и заранее принимала сторону следователя.

Отвернувшись, чтобы не смотреть ей в глаза, он увидел, что полицейский в форме о чем-то говорит с русскоязычным официантом. Они дружески улыбались друг другу, по-прежнему стоя у длинной фрески, и полицейский даже похлопал того по плечу. В голове у Гуляева, подобно измотанным нервным осам, немедленно загудели, забились о стекло подозрения, однако следователь слегка подтолкнул его к распахнувшейся с мелодичным звоном двери, и оба они дружно шагнули в лифт.

«Именно ее вздорность и не позволила нам взглянуть попристальней вслед Филомеле и заметить некоторые странные вещи, связанные с ее уходом...»

Гуляев с неестественно прямой спиной сидел на стуле посреди своего номера и, раскрыв ноутбук у себя на коленях, искал в тексте то место, где следователь прервал его в полицейском управлении.

«...странные вещи, связанные с ее уходом, – некоторую, например, нервозность, возникшую, как говорили потом, среди обитателей степи, по которой она двигалась, увлекаемая своим загадочным жребием, нарушая теперь гармонию не только человеческой обыденности, но и разумный, лишь на неискушенный взгляд устроенный хаотично уклад разных жучков, зайцев

и недобрых сердцем собакоголовых, точно обезумевших теперь и напрочь бросивших природные свои занятия в погоне за неведомой для них и пагубной тайной женственности...»

Следователь стоял на балконе, оперевшись локтями на перила и глядя куда-то вниз. Гуляев исподтишка наблюдал за ним через оставленную открытой стеклянную дверь, однако стоило тому обернуться, как он тут же уткнулся взглядом в свой ноутбук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.